

Вестник МИРБИС. 2025. № 4 (44): С. 183–193.
Vestnik MIRBIS. 2025; 4 (44): 183–193.

Научная статья
УДК: 316.334.3:004.8
DOI: 10.25634/MIRBIS.2025.4.20

Деконструкция концепта предопределенности в условиях технологической сингулярности:
«единственный путь» как архаизирующий социальный миф

Сергей Владимирович Сахневич — Институт деловой карьеры, Москва, Россия. crash68@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу и деконструкции устоявшегося социального мифа о «единственном пути» — предопределенной профессиональной и личностной траектории. Автор доказывает, что в условиях технологической сингулярности и ускорения (Четвертая промышленная революция) данная парадигма не только утрачивает адекватность, но и становится источником системных противоречий и психологических проблем на индивидуальном и общественном уровнях.

Методология и источники. Исследование строится на основе разработанного автором геохронического подхода, который синтезирует географический и исторический контексты для анализа динамики жизненных траекторий. Ключевым аналитическим инструментом выступает концепт «возможностной структуры», состоящей из двух взаимосвязанных компонентов: технологического инструментария и институциональной среды. Теоретической базой работы служат труды ведущих социологов, философов и футурологов (З. Бауман, Э. Гидденс, М. Хайдеггер, К. Шваб, М. Кастельс, Д. Аджемоглу и др.), а также анализ современных тенденций в сфере труда, образования и технологий.

Результаты и обсуждение. В результате исследования установлено, что жизненные траектории определяются не врожденным предназначением, а динамическим взаимодействием индивидуального потенциала с внешней «возможностной структурой». Технологическое ускорение (ИИ, автоматизация, цифровизация) радикально трансформирует ландшафт возможностей:

- демократизирует сложные операции, снижая порог входа в профессии;
- порождает гибридные профессии и делает профессиональную идентичность текучей;
- смещает фокус с узкоспециализированных навыков на метанавыки (адаптивность, критическое мышление, системная интеграция);

Это влечет за собой глубокие последствия:

психологическое освобождение от тирании единственного «призвания»;

- системную трансформацию социальных институтов (образования, рынка труда, социальной защиты), которые не успевают за скоростью изменений;
- риск нового социального расслоения по признаку доступа к инструментальному и образовательному капиталу;
- появление новых моделей карьеры — от «плавных» к «плазменным», требующих постоянной «пересборки» себя.

Заключение. Делается вывод о том, что концепт «единственного пути» окончательно архаизируется. Успех в эпоху сингулярности зависит не от следования найденной раз и навсегда траектории, а от способности личности к постоянной адаптации, активной навигации в поле возможностей и стратегическому использованию доступных технологических и институциональных ресурсов. Будущее принадлежит «системным интеграторам», способным к множественным трансформациям и перепроектированию собственного пути.

Ключевые слова: карьерная траектория, парадигма единственного пути, плазменные карьеры, линейные карьеры, профессиональная идентичность, системный интегратор, узкий специалист.

Для цитирования: Сахневич С. В. Деконструкция концепта предопределенности в условиях технологической сингулярности: «единственный путь» как архаизирующий социальный миф. DOI: 10.25634/MIRBIS.2025.4.20 // Вестник МИРБИС. 2025; 4:183–193.

Original article

Deconstruction of the Concept of Predetermination in the Context of Technological Singularity: The “One Path” as an Archaizing Social Myth

Sergey V. Sakhnevich — Institute of Business Career, Moscow, Russia. crash68@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

Abstract. The article is devoted to a critical analysis and deconstruction of the entrenched social myth of the «one true path» – a predetermined professional and personal trajectory. The author proves that in the context of technological singularity and acceleration (the Fourth Industrial Revolution), this paradigm not only loses its adequacy but also becomes a source of systemic contradictions and psychological problems at the individual and societal levels.

Methodology and Sources. The research is based on the author's developed geochronic approach, which synthesizes geographical and historical contexts to analyze the dynamics of life trajectories. The key analytical tool is the concept of the «structure of possibility», consisting of two interconnected components: the technological toolkit and the institutional environment. The theoretical basis of the work is the writings of leading sociologists, philosophers, and futurists (Z. Bauman, E. Giddens, M. Heidegger, K. Schwab, M. Castells, D. Acemoglu, etc.), as well as an analysis of modern trends in the sphere of labor, education, and technologies.

Results and Discussion. As a result of the research, it is established that life trajectories are determined not by innate destiny, but by the dynamic interaction of individual potential with the external «structure of possibility». Technological acceleration (AI, automation, digitalization) radically transforms the landscape of opportunities:

- democratizes complex operations, lowering the barrier to entry into professions;
- gives rise to hybrid professions and makes professional identity fluid;
- shifts the focus from narrow specialized skills to meta-skills (adaptability, critical thinking, systemic integration).

This entails profound consequences:

- psychological liberation from the tyranny of a single «calling»;
- systemic transformation of social institutions (education, labor market, social protection), which do not keep up with the speed of changes;
- the risk of new social stratification based on access to instrumental and educational capital;
- the emergence of new career models — from «fluid» to «plasma-like», requiring constant «re-assembly» of oneself.

Conclusion. The conclusion is made that the concept of the «one true path» is finally becoming archaic. Success in the era of singularity depends not on following a once-found trajectory, but on the individual's ability for constant adaptation, active navigation in the field of opportunities, and strategic use of available technological and institutional resources. The future belongs to «system integrators» capable of multiple transformations and redesigning their own path.

Key words: career trajectory, single-path paradigm, plasma careers, linear careers, professional identity, systems integrator, narrow specialist.

For citation: Sakhnevich S. V. The current demographic situation in Russia and the improvement of measures to support families with children (using the example of tax deductions).

DOI: 10.25634/MIRBIS.2025.4.20. *Vestnik MIRBIS*. 2025; 4:183–193 (in Russ.).

Введение

Современный этап технологического развития, характеризующийся переходом к Четвертой промышленной революции, обуславливает необходимость фундаментального пересмотра устоявшихся концепций профессионального и личностного становления [Шваб 2016, 12]. Особую важность приобретает критический анализ парадигмы «единственного пути» как предопределенной траектории развития личности, поскольку ее сохранение в условиях технологической сингу-

лярности создает системные противоречия на индивидуальном и общественном уровнях.

Проблема исследования заключается в нарастающем диссонансе между традиционными представлениями о линейном профессиональном предназначении и реальностью динамично трансформирующегося ландшафта возможностей, где технологическое ускорение не только создает новые формы занятости, но и радикально меняет саму структуру профессиональной идентичности.

Гипотеза исследования состоит в том, что жизненные траектории определяются не предустановленной траекторией продолжения дела своих отцов и предшественников, а сложным взаимодействием индивидуальных склонностей с внешней «возможностной структурой», формируемой технологическими и институциональными факторами в конкретной геохронической точке, причем именно этот симбиоз открывает возможности для множественных профессиональных трансформаций и преодоления ограничений устаревшей парадигмы.

Актуальность данного исследования носит многомерный характер и проявляется в шести ключевых аспектах. Во-первых, работа представляет собой своевременный ответ на технологическое ускорение, когда искусственный интеллект, автоматизация и цифровизация требуют переосмысления традиционных моделей профессионального становления в условиях появления принципиально новых профессий и стремительного устаревания существующих компетенций. Во-вторых, осуществляется деконструкция устаревших социальных мифов, поскольку догматизация «единственного пути» не только порождает экзистенциальную тревогу и профессиональную иммобилизацию, но и препятствует эффективной адаптации к требованиям современного рынка труда. В-третьих, исследование обладает выраженной практической ориентированностью, предлагая геохронический подход как инструмент перехода от пассивного поиска имманентного «призвания» к активной навигации в постоянно расширяющемся поле возможностей. В-четвертых, работа обеспечивает осмысление новых социальных реалий, анализируя такие острые проблемы современности как рост прекариата, усиление технологического неравенства и кризис традиционных институтов образования и социальной защиты. В-пятых, исследование обладает значительной прогностической ценностью, предлагая методологический аппарат для предугадывания будущих трансформаций рынка труда и профессиональных траекторий в условиях смены парадигм. В-шестых, важным аспектом является психологическое освобождение личности, поскольку переход от парадигмы «найденного пути» к концепции «создания себя» позволяет снять бремя экзистенциального выбора и легитимизировать множественность профессиональных

идентичностей в условиях неопределенности.

Цель исследования заключается в разработке комплексного геохронического подхода, позволяющего анализировать профессиональное развитие как динамический процесс взаимодействия индивидуального потенциала с внешней «возможностной структурой», формируемой технологическими и институциональными факторами в конкретный исторический период. Работа направлена на создание методологической основы для навигации в условиях, когда профессиональная устойчивость обеспечивается не следованием единственному маршруту, а способностью к постоянной адаптивной пересборке собственной траектории в контексте технологической сингулярности и социальной трансформации.

Результаты исследования

Идея о том, что жизненный и профессиональный путь человека определяется преимущественно его внутренними склонностями, врожденными талантами и продолжения семейных традиций, является одним из самых устойчивых мифов современности. Эта парадигма, уходящая корнями в романтизм с его культом гения и уникального «призвания», глубоко проникла в психологию, педагогику и культуру предпринимательства [Бауман 2008, 45]. Она создает иллюзию контроля и осмысленности, предлагая каждому индивидууму поверить в существование некоего предустановленного «ключа» — его личности — к единственно верной «двери» — его карьере. Однако этот взгляд, будучи рассмотрен через призму геохроники — синтеза географического и исторического контекстов — оказывается не просто неполным, но в корне неверным и ограничивающим. Человеческая судьба есть продукт сложной и динамичной интерференции внутреннего потенциала и внешней «возможностной структуры», которая на протяжении истории формируется технологиями и институтами.

Безусловно, индивидуальные склонности, интересы и таланты — это фундаментальный материал, из которого строится профессиональная идентичность. Нейронаука и психология подтверждают существование врожденных предрасположенностей — к математике, языкам, пространственному мышлению или криминальной деятельности. Однако ошибка заключается в том, что эти предрасположенности возводят в ранг

фатума, игнорируя пластичность человеческого мозга и его зависимость от внешних стимулов.

Современные исследования нейропластичности демонстрируют, что мозг не является статичным органом с раз и навсегда заданными «зонами таланта». Он постоянно перестраивается в ответ на опыт, обучение и среду. Склонность к музыке, не подкрепленная доступом к инструменту и качественному образованию, может так и остаться нереализованным потенциалом в то время, как систематические тренировки могут развить выдающиеся способности у человека без изначальной «предрасположенности».

Само понимание того, что является «ценной» склонностью, социально сконструировано. В обществе охотников-собираателей острое обоняние было ценной склонностью для следопыта. В индустриальную эпоху ценностью стало дисциплинированное выполнение монотонных операций. В цифровую эпоху на первый план вышли способности к абстрактному логическому мышлению и обработке информации. Наши «внутренние склонности» не просто ищут выхода; они во многом формируются и направляются запросами эпохи.

Внутри одного человека редко живет единственная, монолитная «склонность». Личность полифонична: один и тот же индивид может обладать одновременно аналитическим складом ума, художественным восприятием и развитыми социальными навыками. Миф о «единственном пути» заставляет его подавлять одни аспекты своей природы в угоду другому, что ведет к внутреннему конфликту и экзистенциальной неудовлетворенности, описанной Хайдеггером [Шваб 2016, 5–36].

Карьерная траектория человека есть не линейная проекция его внутренних склонностей на пассивный мир, а динамический и непрерывный процесс переговоров между индивидуальным потенциалом и внешней «возможностной структурой». Эта структура, состоящая из технологий и институтов, является активным агентом изменения. Она не столько помогает реализовать заранее данное «призвание», сколько конструирует сами возможности для призвания. В XVIII веке не было «призвания» быть пилотом дрона или разработчиком блокчейна, потому что не существовало материальных и социальных условий для возникновения такого желания.

Следовательно, миф о «единственном пути» не просто неверен — он вреден в эпоху технологического ускорения [Гидденс 2011, 112]. Он заставляет людей винить себя в том, что они «не нашли свое место», в то время как проблема может заключаться в том, что их текущее «место» уничтожается технологической трансформацией. И наоборот, он мешает им увидеть множество новых «путей», которые эта же трансформация ежедневно прокладывает. Геохронический подход освобождает нас от тирании врожденной судьбы и наделяет ответственностью и агентностью: наша задача — не отыскать единственную, предустановленную звезду своего предназначения, а научиться искусно лавировать в постоянно меняющемся созвездии возможностей, перестраивая свои навыки и идентичность в соответствии с новыми технологическими и социальными ландшафтами. Будущее принадлежит не тем, кто упорно следует по «своему пути», а тем, кто способен этот путь перепроектировать и построить заново.

Ключевым концептом, предлагаемым нашей статьей, является «возможностная структура». Эта структура состоит из двух взаимосвязанных опор: технологического инструментария и институциональной среды.

Профессия — это не вневременная сущность, а продукт конкретной исторической эпохи, возникающий на стыке технологических возможностей и социальных потребностей. В XVIII веке не существовало не только профессии «компьютерщик», но и самого концепта «профессии» в ее современном, стандартизированном понимании. Склонность к алгоритмическому мышлению в ту эпоху могла найти лишь опосредованный выход: в деятельности математика, разрабатывающего теоретические вычисления; философа, строящего логические системы; или часовщика, воплощающего алгоритмы в механические шестеренки. Талант не исчезал, но его материальное воплощение было жестко детерминировано доступным инструментарием.

История, несомненно, полна «невостребованных гениев» — людей, чьи когнитивные профили идеально подошли бы для профессий будущего. Человек с талантом кибернетика в Средневековье был бы, в лучшем случае, признан еретиком, а его потенциал — утрачен. Это демонстрирует, что индивидуальная одаренность — необходи-

мое, но ни в коей мере не достаточное условие для профессиональной реализации.

Доступный инструментарий не просто облегчает существующие процессы; он создает принципиально новые виды деятельности. Например, печатный станок не только «упростил» труд переписчика — он создал профессии издателя, корректора, типографа и уничтожил профессию переписчика. Интернет не только «ускорил» общение — он породил профессии веб-разработчика, SEO-специалиста, контент-менеджера [Кастельс 2000, 234; West 2018, 87].

Технология — это не просто «удобный помощник»; это условие возможности самой профессии. Пока не существует физического или цифрового инструмента, не существует и соответствующей профессиональной деятельности. Разработка телескопа Галилеем не только «расширила» астрономию — она создала ее как эмпирическую науку, отделив от астрологии и натурфилософии. Точно так же создание первых ЭВМ в середине XX века породило не просто новую «специальность», а целый новый онтологический пласт реальности — цифровую среду, внутри которой теперь существуют миллионы людей.

Инструмент делает профессию не только возможной, но и масштабируемой. Ручной труд ремесленника по своей природе ограничен. Цифровые же инструменты (например, программное обеспечение) могут быть тиражированы бесконечно с почти нулевой предельной стоимостью.

Это порождает глобальное разделение труда и создает профессиональные ниши, немыслимые в доиндустриальную эпоху: например, UX-дизайнер, специализирующийся исключительно на интерфейсах для банковских мобильных приложений для слабовидящих пользователей.

Технологии абстрагируют сложность. Сложнейшие математические вычисления, для освоения которых требовалось years изучения высшей математики, сегодня инкапсулированы в библиотеках кода (например, в Python), доступных для использования человеком со средними способностями. Профессиональный звукозаписывающая студия, бывшая уделом избранных, сегодня умещается в ноутбуке в виде DAW (Digital Audio Workstation). Технология становится «великим уравнивателем», позволяя тем, кто владеет инструментом, достигать результатов, ранее доступных лишь гениям или обладателям большого капи-

тала [Page 2007, 145]. Это не означает, что гении исчезли, но означает, что разрыв между средним и выдающимся результатом в многих областях сокращается, пока речь идет о техническом исполнении [Drucker 1971, 45].

Дизайнер может создать сотню прототипов интерфейса за день. В эпоху Возрождения быть художником означало годами изучать технику у мастера, иметь доступ к дорогим материалам и покровителям. Сегодня цифровые инструменты (графические планшеты, программное обеспечение like Photoshop и Procreate) и платформы для распространения (Behance, ArtStation, Instagram) позволяют талантливому подростку из провинции достичь мирового признания, минуя традиционные институциональные барьеры.

Предприниматель может протестировать бизнес-гипотезу с помощью таргетированной рекламы за копейки. Это снижает порог входа в профессии, связанные с творчеством и инновациями, где раньше одна неудача могла быть фатальной. Доступ к капиталу, система венчурного финансирования, краудфандинговые платформы — все это элементы «возможностной структуры», которые определяют, чьи идеи получают шанс на реализацию. История Кремниевой долины — это не только история талантливых инженеров, но и история сложившейся там уникальной финансовой экосистемы. Но появление краудфандинговых платформ (Kickstarter, Patreon) и платформ для ангельских инвестиций (Angellist) демократизировало доступ к стартовому капиталу, позволив предпринимателям из разных географических точек и социальных слоев привлекать средства для реализации своих идей.

Современные технологии (ПО, ИИ, облачные сервисы) инкапсулируют, «упаковывают» в себе сложнейшие операции, для освоения которых ранее требовались годы, а то и десятилетия специализированного обучения. Студенту-лингвисту сегодня не нужно вручную создавать корпус текстов и разрабатывать алгоритмы морфологического анализа; он использует готовые NLP-библиотеки (например, spaCy, NLTK), где экспертиза тысяч программистов и лингвистов представлена в виде нескольких строк кода. Сложность не исчезает, но она абстрагирована, спрятана «под капотом». Программные пакеты (MATLAB, R, Blender) выполняют львиную долю этой рутинной, но сложной работы. Это не умаляет заслуг

пионеров этих областей, но радикально снижает порог входа для последователей. Любитель с видеокамерой смартфона и программой для монтажа (например, DaVinci Resolve) может создать визуальный продукт, по качеству не уступающий телевизионному контенту 20-летней давности, для производства которого требовалась целая студия.

По мере того как технологии берут на себя все больше рутинных и даже сложных когнитивных задач, конкурентное преимущество смещается с обладания узкоспециализированными «талантами» на такие метанавыки, как способность быстро осваивать новые инструменты и перестраивать свои компетенции; умение видеть связи между разными областями и подвергать сомнению данные, сгенерированные ИИ; способность ставить новые вопросы и создавать ценности в условиях, когда алгоритмы оптимизируют известные пути.

Эволюция профессий в эпоху технологического ускорения — это не постепенное изменение, а перманентная революция, ведущая к фундаментальной трансформации самих основ профессиональной деятельности. Часть рутинной работы (как физической, так и когнитивной) неизбежно автоматизируется. Однако это не просто «исчезновение» задач, а их перераспределение. Ценность смещается с узкоспециализированных хард-скиллов к метанавыкам, которые сложно алгоритмизировать: критическому и системному мышлению (умение ставить правильные вопросы ИИ), креативности (генерация принципиально новых идей и смыслов), эмоциональному интеллекту и коммуникации (управление командами, переговоры, эмпатия) [Флорида 2007, 121].

Само понятие «профессия» как раз и навсегда заданной совокупности задач устаревает. На смену ему приходит концепция «проектной идентичности» или «навыкового портфеля». Профессионал будущего — это не «менеджер по продажам», а носитель уникального набора компетенций (аналитика данных, психология влияния, работа с CRM-системами), которые он применяет в рамках различных проектов.

Самые интересные и востребованные профессиональные профили сегодня возникают на стыках ранее не связанных дисциплин. Data-journalist — это гибрид программиста, статистика и репортера. Computational linguist объединяет лингвистику и компьютерные нау-

ки. Bioinformatics сливает воедино биологию, информатику и математику. Эти гибриды не были «запланированы» системами образования; они спонтанно возникли в ответ на появление новых технологических возможностей и новых исследовательских вопросов.

Эта гибридизация порождает феномен «плавных» карьерных траекторий. Инженер может стать менеджером продукта, затем, прокачав навыки коммуникации, уйти в консалтинг, а после, освоив анализ данных, возглавить отдел data-driven маркетинга. Его путь — не лестница с четкими ступенями, а скорее сеть, где каждый узел (навык, проект, знакомство) открывает доступ к множеству новых направлений, а не к одному-единственному следующему шагу.

Эволюция лингвистики, пожалуй, один из самых показательных примеров того, как технология переопределяет саму суть научной дисциплины и доступ к ней. Проведение масштабного корпусного исследования, например, изучение частотности употребления слов в литературе XIX века, было сродни подвигу. Ученому приходилось годами вручную выписывать на карточки примеры из тысяч текстов, создавать собственные системы классификации и проводить статистические подсчеты без какой-либо автоматизации. Работа над «Оксфордским словарем английского языка» заняла у его создателей более 70 лет.

Такой труд был уделом либо гениев-одиночек, либо хорошо финансируемых академических институтов. Масштаб исследования был жестко ограничен человеческими возможностями. Молодой исследователь из провинциального университета или другой страны просто не имел доступа к необходимым ресурсам — библиотечным фондам, команде ассистентов, времени.

Сегодня любой студент-филолог или независимый исследователь имеет доступ к гигантским оцифрованным корпусам текстов (Google Books, Ngram, Национальный корпус русского языка и т. д.), объемы которых исчисляются миллиардами слов.

Сложнейшие алгоритмы морфологического, синтаксического и семантического анализа инкапсулированы в простые для использования библиотеки и платформы (например, spaCy, NLTK, GPT-технологии). Задача исследователя сместилась с рутинного сбора данных к формулировке гипотез и интерпретации резуль-

татов, которые система выдает за считанные часы или даже минуты.

В результате, на стыке лингвистики и информационных технологиями родилась профессия. Этот специалист не является специалистом в классическом понимании ни в лингвистике, ни в программировании, но он владеет инструментарием, позволяющим решать задачи, непосильные для лингвиста-традиционалиста и бессмысленные для программиста, не знакомого с языком. Его «путь» стал возможен только в конкретной «геохронической» точке — эпохе Big Data и развитого машинного обучения.

Трансформация музыкальной отрасли — это история демонтажа институциональных барьеров, охранявших вход в профессию. Чтобы стать коммерчески успешным музыкантом, необходимо было пройти жесткий отбор у «сторожей» индустрии — продюсеров, A&R-менеджеров лейблов. Доступ к профессиональным студиям (стоимость часа в которых могла достигать сотен долларов), инженерам сведения и мастеринга, а затем к дистрибуции через физические носители был критически важен и практически невозможен без контракта. Карьера была жестко привязана к нескольким мировым центрам (Лос-Анджелес, Нэшвилл, Лондон). Талантливый музыкант из маленького города был обречен на маргинальность или должен был совершить настоящий подвиг, чтобы «прорваться» в систему. Появление DAW (Digital Audio Workstation) типа Ableton Live, FL Studio, Logic Pro превратило мощный ноутбук в полноценную студию звукозаписи. Виртуальные инструменты и семплы заменили дорогостоящие синтезаторы и оркестры. Плагины для сведения и мастеринга, доступные за небольшие деньги, предоставили в распоряжение независимых музыкантов инструменты, которыми раньше владели только топ-инженеры.

Платформы дистрибуции (Spotify, Apple Music, YouTube) и социальные сети (Instagram, TikTok) уничтожили монополию лейблов на доступ к аудитории. Музыкант сегодня может создать хит в своей спальне, самостоятельно выпустить его на все цифровые площадки и раскрутить через таргетированную рекламу и вирусный контент. Его успех определяется не одобрением узкой группы «сторожей», а непосредственным откликом глобальной аудитории. Ярчайший пример — феномен Билли Айлиш, чьи первые

треки были записаны дома вместе с братом. Другой пример — это американский феномен «второй карьеры», который становится все более распространенным, как отмечает Л. М. Лилли [Lilly 2017]. Ценность смещается в сторону метанавыков — критического мышления, управления проектами, коммуникации, — которые являются трансферными и накапливаются с опытом, независимо от сферы. Концепция Second Career («Вторая карьера») является прямым следствием описанных геохронических процессов. Она окончательно хоронит миф о «единственном пути», демонстрируя, что профессиональная идентичность — это не приговор, а текущий конструкт.

Если технологии создают материальную возможность для профессии, то институты — это социальная инфраструктура, которая превращает эту возможность в реализуемый и устойчивый путь. Утверждение, что возможности определяются средой, выходит далеко за рамки простого наблюдения и представляет собой не пассивный фон, а динамический, структурирующий агент, который формирует саму онтологию возможного.

Институты образования — это не нейтральные передатчики знаний; это мощные фильтры и направляющие векторы. Они решают, какие навыки и знания являются легитимными и достойными инвестиций. Доступность и качество образования (от школьного до непрерывного профессионального) напрямую определяют, сколько людей с потенциальной склонностью, скажем, к генной инженерии, смогут эту склонность реализовать. В результате, раньше формальные образовательные системы были мощнейшими фильтрами, определяющими, какие знания и навыки считались легитимными. Человек мог быть гениальным самоучкой в какой-то области, но без университетского диплома или признанной сертификата (СІМ в маркетинге, СМА и СРА в управленческом бухучете), его доступ к «престижным» позициям в крупных корпорациях будет серьезно ограничен.

Доступ к профессиональным сообществам, как онлайн, так и офлайн, является обычным ресурсом. Эти сообщества предоставляют менторство, обмен знаниями, социальную поддержку и доступ к «скрытому» рынку труда. Глобализация и цифровизация многократно усилили мощь сетевых эффектов, а демократизация — это не просто метафора увеличения доступности, но

и структурный сдвиг в эпистемологии профес- сий, переход от модели «посвящения» к модели «доступа». Новые стихийно формирующиеся соци- альные институты образования не только учат, но и наделяют социальным капиталом и симво- лической властью. Карьера строится не только на формальных знаниях, но и на доступе к про- фессиональным сообществам (как онлайн, так и офлайн). Эти сообщества предоставляют доступ к неформальным знаниям («know-how»), ментор- ству, рекомендациям и «скрытым» вакансиям. Социальный капитал, приобретенный в таких со- обществах, зачастую важнее человеческого капи- тала:

- Lifelong Learning (непрерывное обуче- ние) из модного тренда превращается в си- стемную необходимость;
- микрокреденциалы (микро-дипломы) ста- новятся новой валютой на рынке труда, подтверждая конкретные, узкие навыки быстрее и дешевле, чем традиционные ди- пломы;
- карьерное консультирование нового типа смещает фокус с профориентации («кем вы рождены быть») на навигацию по «возможностной структуре» («какие ин- струменты и институты вам доступны сей- час и как их использовать»);
- институт удаленной работы, ставший мас- совым в последние годы, радикально рас- ширил «географическое поле возможно- стей». Специалист из небольшого города может теперь работать на компанию из другой страны, не пересекая границ. Это разрушает традиционную связь «место жи- тельства — место работы» и создает гло- бальный рынок труда, где конкуренция и возможности становятся поистине плане- тарными [Аджемоглу 2015, 68].

Обсуждение

Геохронический сдвиг, вызванный техноло- гическим ускорением, порождает глубокие и многогранные последствия, которые трансфор- мируют как внутренний мир отдельного челове- ка, так и фундаментальные структуры общества. Эти изменения носят парадоксальный характер, одновременно открывая беспрецедентные воз- можности и создавая новые вызовы. Личность освобождается от тирании единственного «пра- вильного пути». Исчезает экзистенциальный груз

поиска той самой, предустановленной ниши. Че- ловек больше не чувствует себя неудачником, если его карьера не соответствует изначальным ожиданиям или если его интересы многогран- ны. Это снимает колоссальное психологическое давление, описанное Хайдеггером, — чувство вины за нереализованные возможности, ведь теперь они не утрачиваются навсегда, а могут быть отложены или реализованы в новой фор- ме [Heidegger 2001, 331; Heidegger 2000, 34]. Од- нако это освобождение приносит с собой новую форму тревоги — «паралич выбора» в условиях избытка возможностей. Когда все дороги откры- ты, сделать осознанный выбор становится пси- хологически сложнее. Личность сталкивается с необходимостью не столько «найти себя», сколь- ко «создать себя» через череду экспериментов и выборов, что требует развитой способности к саморефлексии и принятию решений в условиях неопределенности.

В условиях, когда срок жизни конкретных профессиональных навыков сокращается до не- скольких лет, способность к быстрому и эффек- тивному обучению становится критически важ- ной. Это не просто запоминание информации, а комплексный навык, включающий умение филь- тровать данные, осваивать новые интерфейсы, находить образовательные ресурсы и выстраи- вать личную учебную траекторию.

Этот процесс требует дисциплины, целеу- стремленности и готовности выходить из зоны комфорта, что сродни аскетической практике. Личность должна постоянно подвергать сомне- нию свои текущие компетенции и быть готовой к «смерти» своей профессиональной идентично- сти ради рождения новой.

Смена профессии в 30, 40, 50 лет перестает быть маркером неудачи и становится социаль- ной нормой. Это приводит к возникновению фе- номена «ренессанса зрелости», когда жизненный и профессиональный опыт человека создает уни- кальный ценный профиль. Зрелый возраст пере- стаёт ассоциироваться с застоем и начинает ассо- циироваться с новыми горизонтами.

Многие люди получают исторически беспре- цедентный шанс реализовать интересы и талан- ты, которые были подавлены в молодости из-за социального давления, финансовых ограниче- ний или отсутствия подходящих образователь- ных траекторий. Исчезает стандартная модель

«полная занятость в одной компании на десятилетия». Ей на смену приходят гибридные формы: фриланс, удаленная работа, проектные контракты, портфолио-карьера. Это создает беспрецедентную гибкость для работника и работодателя.

Обратной стороной этой гибкости является риск роста прекариата — социального класса людей, занятых нестабильной, временной работой без социальных гарантий. Общество сталкивается с вызовом создания новой системы социальной защиты, не привязанной к постоянному месту работы в одной организации.

Ключевым разделителем в обществе становится уже не столько врожденный талант или происхождение, сколько доступ к инструментальному капиталу: кто первым получает доступ к новым ИИ-инструментам, мощным вычислениям, специализированному ПО? Кто имеет возможность проходить качественные курсы переквалификации, получать микродипломы и пользоваться лучшими образовательными платформами? Кто включен в влиятельные профессиональные сообщества и имеет сильный социальный капитал? Это создает риск нового, технологически обусловленного расслоения, когда элитой становятся те, кто контролирует инфраструктуру обучения и доступа (крупные tech-корпорации, платформы), а не только средства производства.

Классические системы образования (вузы), корпоративные карьерные лестницы и государственные системы социального обеспечения оказываются неадекватны новой реальности. Они слишком медленные, инерционные и заточены под устаревающую модель «пожизненной профессии».

В массовом сознании ценность глубокого, но узкого специалиста (которого легко может заменить ИИ) начинает снижаться. На первый план выходит ценность адаптивного генералиста с развитыми метанавыками, способного быстро осваивать новые области и видеть связи между ними.

Культурным героем становится не тот, кто следовал своему «предназначению», а тот, кто смог несколько раз радикально переизобрести себя, пройдя между карьерами и выйдя из них обновленным. Его история — это не линейный путь к успеху, а множественные трансформации и победы над инерцией собственной идентичности.

Геохронический подход предоставляет не

просто аналитический инструмент для осмысления настоящего, но и мощную прогностическую рамку. Экстраполяция текущих тенденций позволяет с высокой долей уверенности предсказать дальнейшую радикальную трансформацию ландшафта человеческих возможностей, социальных институтов и самих основ идентичности. Эта трансформация затронет самые глубокие пласты общества, включая механизмы социализации и преемственности, которые исторически обеспечивались семьей.

Можно ожидать, что тренд на демократизацию сложных операций будет только нарастать. Инструменты ИИ, машинного обучения и облачных вычислений станут еще более мощными, доступными и, что критически важно, более интуитивными.

В ближайшие десятилетия мы станем свидетелями феномена, когда человек со средними природными данными, вооруженный продвинутой ИИ-ассистентом, сможет достигать результатов, которые сегодня требуют многолетней специализации. Композитор-любитель будет создавать симфонии уровня классиков, управляя нейросетью, генерирующей аранжировки; маркетолог-одиночка — проводить сложнейшие многомерные анализы рынка с помощью нескольких головных команд.

Профессионализм будет определяться не столько глубиной знаний в одной области, сколько скоростью освоения нового инструментария и способностью ставить уникальные задачи для его применения. Профессиональные сообщества станут более открытыми, текучими и проектными.

Линейные карьеры окончательно уйдут в прошлое. На смену «плавным» траекториям придут «плазменные» — не имеющие постоянной формы, мгновенно перестраивающиеся под требования конкретного проекта или технологического прорыва.

Мы увидим возникновение и стремительное устаревание профессий, которые сегодня кажутся футуристичными. Наибольшую ценность приобретет не узкий специалист, а «системный интегратор» — человек, способный видеть связи между не связанными на первый взгляд областями (например, квантовой физикой и социалинговистикой) и формировать из них рабочие гипотезы и проектные команды.

В условиях, когда технологический цикл смены

навыков короче человеческого поколения, модель «перенимания по наследству» [Петров 1987, 101] терпит крах. Разрыв в инструментальном капитале между поколениями становится непреодолимым. На смену семье как централизованному институту социализации приходит сетевая, дистрибутивная модель. Новое поколение будет формировать свою идентичность и компетенции не через вертикальную передачу опыта от старших, а через горизонтальные связи и доступ к цифровым платформам. Нишевые онлайн-сообщества станут главной средой для приобретения узкоспециализированных навыков и ценностей. Искусственный интеллект будет брать на себя роль ментора, адаптируя контент и темп обучения под когнитивный профиль каждого ребенка. Молодежь будет объединяться в краткосрочные интернациональные команды для решения

конкретных задач, формируя профессиональную идентичность не через диплом, а через портфолио реализованных кейсов.

Заключение

Концепт «единственного пути» как предопределенной траектории развития утрачивает актуальность в условиях технологической сингулярности. Ключевыми последствиями этого сдвига становятся психологическое освобождение личности от тирании поиска единственного «призвания», необходимость развития метанавыков и системная трансформация социальных институтов. Таким образом, будущее принадлежит не тем, кто следует по единственному «найденному» пути, а тем, кто обладает способностью к постоянной пересборке собственной траектории, используя доступные технологические и институциональные ресурсы.

Список источников

1. Аджемоглу 2015 — Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / перевод с англ. Д. Литвинова, А. Калинина, С. Кировой [и др.]. Москва : АСТ, 2015. 402 с. ISBN: 978-5-17-092736-4.
2. Бауман 2008 — Бауман З. Текущая современность / перевод с англ. С. А. Комаровой. Санкт-Петербург : Питер, 2008. 240 с. ISBN: 978-5-469-00034-1.
3. Гидденс 2011 — Гидденс Э. Последствия современности / перевод с англ. Л. С. Великович, М. С. Деникиной, К. А. Кузнецова, А. Д. Ковалева. Москва : Праксис, 2011. 352 с. ISBN: 978-5-901574-90-4.
4. Кастельс 2000 — Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / перевод с англ. под ред. О. И. Шкаратана. Москва : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с. ISBN: 5-7598-0069-8.
5. Петров 1987 — Петров М. Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли // Вопросы истории естествознания и техники = Studies in the History of Science and Technology. 1987; 3:100–109. ISSN: 0205-9606.
6. Флорида 2007 — Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / перевод с англ. А. Константинова. Москва : Классика-XXI, 2007. 421 с. ISBN: 978-5-89817-185-8.
7. Шваб 2016 — Шваб К. Четвертая промышленная революция / перевод с англ. Д. Верхотурова, Е. Ивченко, А. Карпова. Москва : Эксмо, 2016. 138 с. ISBN: 978-5-699-90556-0.
8. Drucker 1971 — Drucker P. F. The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society. London : Pan Books, 1971. 477 p.
9. Heidegger 2000 — Heidegger M. Die Frage nach der Technik // Vorträge und Aufsätze. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2000. 298 p. Pp. 5–36.
10. Heidegger 2001 — Heidegger M. Being and Time. Oxford : Blackwell Publishers Ltd., 2001. 589 p.
11. Lilly 2017 — Lilly L. M. Super Simple Story Structure: A Quick Guide to Plotting and Writing Your Novel (Writing as a Second Career). Book 1 of 12. Independently Published, 2017. 90 p. ISBN: 9781521326190.
12. Page 2007 — Page S. E. The Difference: How the Power of Diversity Creates Better Groups, Firms, Schools, and Societies. Princeton : Princeton University Press, 2007. 424 p. ISBN: 978-0-691-12838-2.
13. West 2018 — West D. M. The Future of Work: Robots, AI, and Automation. New York : Rowman & Littlefield Publishers, 2018. 219 p. ISBN: 9780815737865. DOI:10.5040/9780815751878.

References

1. Acemoglu D., Robinson D. *Pochemu odni strany bogatyie, a drugiye bednyye. Proiskhozhdeniye vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why Countries Are Rich and Others Poor. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Translated from English by D. Litvinov, A. Kalinin, S. Kirova [et al.]. Moscow : AST Publ., 2015. 402 p. ISBN: 978-5-17-092736-4 (in Russ.).

2. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Fluid Modernity]. Translated from English by S. A. Komarova. St. Petersburg : Piter Publ., 2008. 240 p. ISBN: 978-5-469-00034-1 (in Russ.).
3. Giddens E. *Posledstviya sovremennosti* [Consequences of Modernity]. Translated from English by L. S. Velikovich, M. S. Denikina, K. A. Kuznetsov, A. D. Kovalev. Moscow : Praxis Publ., 2011. 352 p. ISBN: 978-5-901574-90-4 (in Russ.).
4. Castells, M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society, and Culture]. Translated from English by O. I. Shkaratan. Moscow : HSE Publ., 2000. 608 p. ISBN: 5-7598-0069-8 (in Russ.).
5. Petrov, M. *Pentekontera. V pervom klasse yevropeyskoy shkoly mysli* [Pentecontera. In the First Class of the European School of Thought]. *Studies in the History of Science and Technology*. 1987; 3:100–109. ISSN: 0205-9606 (in Russ.).
6. Florida, R. *Kreativnyy klass: lyudi, kotoryye menayut budushcheye* [The Creative Class: People Who Are Changing the Future]. Translated from English by A. Konstantinov. Moscow : Klassika-XXI Publ., 2007. 421 p. ISBN: 978-5-89817-185-8 (in Russ.).
7. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Translation from English D. Verkhoturov, E. Ivchenko, A. Karpov. Moscow : Eksmo Publ., 2016. 138 p. ISBN: 978-5-699-90556-0 (in Russ.).
8. Drucker P. F. *The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society*. London : Pan Books, 1971. 477 p.
9. Heidegger M. *Die Frage nach der Technik. Vorträge und Aufsätze*. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2000. 298 p. Pp. 5–36 (in German).
10. Heidegger M. *Being and Time*. Oxford : Blackwell Publishers Ltd., 2001. 589 p.
11. Lilly L. M. *Super Simple Story Structure: A Quick Guide to Plotting and Writing Your Novel (Writing as a Second Career)*. Book 1 of 12. Independently Published, 2017. 90 p. ISBN: 9781521326190.
12. Page S. E. *The Difference: How the Power of Diversity Creates Better Groups, Firms, Schools, and Societies*. Princeton : Princeton University Press, 2007. 424 p. ISBN: 978-0-691-12838-2.
13. West D. M. *The Future of Work: Robots, AI, and Automation*. New York : Rowman & Littlefield Publishers, 2018. 219 p. ISBN: 9780815737865. DOI:10.5040/9780815751878.

Информация об авторе:

Сахневич Сергей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой лингвистики, АНО ВО «Институт Деловой Карьеры», ул. Нижегородская, 32/4, Москва, 109029, Россия.

Information about the author:

Sakhnevich Sergey V. — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Head of the Department of Linguistics, Institute of Business Career, 32/4 Nizhegorodskaya St., Moscow, 109029, Russia.

Статья поступила в редакцию 16.10.2025; одобрена после рецензирования 04.11.2025; принята к публикации 28.11.2025.
The article was submitted 10/16/2025; approved after reviewing 11/04/2025; accepted for publication 11/28/2025.